

Алексей Котов

Теплыми руками

Алексей Котов
Теплыми руками

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Котов А. Н.

Теплыми руками / А. Н. Котов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Житейская история: веселая и взбалмошная, интригующая и полная приключений, рассказанная только затем, чтобы читатель вдруг понял, что жизнь совсем не изменилась за последние двадцать пять лет, а значит, ее нужно принимать такой же доброй, какая она и есть на самом деле.

Вместо предисловия

Милое и суетливое, преступное и простодушное время начала 90-х годов!.. Время, когда зло еще бегало в коротких штанишках, деньги фантастически быстро превращались в разрисованную бумагу, а будущие олигархи только учились спекулировать сигаретами. Богатство и наглость, власть и вседозволенность еще только знакомились с другом и пугливо оглядывались по сторонам. Это было время, когда врачи могли вылечить больного за коробку конфет, а судьи и милиционеры стыдливо прятали в служебные столы преискуранты на свои услуги. Где ты теперь, эпоха великих перемен? Но я почему-то уверен, что уже сегодня, какой-нибудь олигарх, испытывает куда как меньшую радость от миллиардных прибылей, чем когда-то от крох, вырученных за мелкооптовую торговлю на "блошином рынке". А теперешние судьи и милиционеры, отправив за решетку честного человека, с невыразимой грустью о былой жизни сморят в след взяточнику, покидающему дворец правосудия.

Да-да, эпоха романтизма и перемен ушла... Но время совсем не жестко. Оно удивительно справедливо по отношению к человеку, ведь каждый из нас с лихвой получает не то, что он заслужил, и даже не то, что он заработал, а то, что он отдал когда-то даром. Примерно таким же удивительным даром, каким дается человеку сама жизнь.

Это книга не только о начале 90-х... Это книга о людях, которыми мы с вами когда-то были.

Глава первая

в которой рассказывается о том, что если человек ищет приключений, то рано или поздно он находит их, а также о том, что все приключения начинаются совершенно неожиданно.

Я уверен, что человеческая природа гармонична. И именно по этой причине мой друг Коля, появившийся на свет, озаренный гением математического таланта, еще и унаследовал от своих предков изрядную долю житейской непрактичности. Впрочем, именно благодаря последнему обстоятельству Коля всегда вызывал у меня неодолимое чувство симпатии. Кроме того, что у него можно было списать контрольную по математике в школе, мой застенчивый друг всегда играл роль полного болвана в любой компании, и справлялся с ней настолько успешно, что даже последний дурень мог оттачивать на нем свое остроумие. Если бы не мой острый язык и тяжелые кулаки, моему тихому другу пришлось бы пережить немало горьких разочарований и, в конце-то концов, такое поведение вошло у меня в привычку. Даже когда Коля работал над докторской диссертацией, женился и слегка облысел, я все равно не смог избавиться от малообъяснимой моральной ответственности за его будущее. Например, когда некий курчавый пижон вздумал увести у Коли красавицу-жену, кто бил пижону физиономию? Конечно же, я. А когда Коля вздумал продать свою машину и нарвался на "кидал", кому досталось больше всех? Конечно же, мне. И даже диван, который мы тащили в новую Колину квартиру, мой друг опять-таки счел возможным уронить именно на меня. Но я не жалею... Я всегда принимал последствия нашей дружбы как должное. И когда во время моего очередного домашнего лечения Коля приносил мне книжку "Забавная математика", вместо вожденной банки пива, я уже в который раз приходил к неутешительному выводу, что, пожалуй, никогда не смогу оставить своего друга один на один с суровой действительностью.

Возможно, наша дружба так и текла бы тихим ручейком, постукивая меня головой о прибрежные камушки, но как-то раз, а точнее говоря, сумасшедшей осенью 1991 года, Коле пришла в голову мысль построить дачу. Откровенно говоря, Коля решил на такой поступок

только ради своей взбалмошной красотки-жены. Мой друг надеялся на то, что Насте понравится окучивать картошку, воровать на удобрения навоз в соседнем колхозе, а по вечерам, вместе с мужем, рассматривать романтические краски заката. Нет, может быть, благие мечты полунищего доктора наук и не были лишены основания, но по моим подсчетам такая стройка должна была бы обойтись мне, его верному другу, как минимум тяжелым сотрясением мозга. Увы, да и но!.. Как показали дальнейшие события, все мои предположения были не более чем благими пожеланиями самому себе, а то, что произошло на самом деле, конечно же, превзошло все ожидания. Тут дело даже не в том, что, как говорится, жизнь любит преподносить сюрпризы, а в том, что сюрпризами, причем довольно неожиданным, а часто и откровенно странным, становимся мы сами.

Между тем эпопея строительства Колиной дачи начиналась самым банальным образом. Коле, в его интеллигентно-тощем институте каких-то чрезвычайно точных наук, выделили земельный участок. Советская власть уже заканчивалась и, наверное, подозревая о своем конце, она решила оставить гражданам на добрую память что-то более существенное, чем, допустим, старый "Москвич" или двухкомнатная "хрущоба". Землю "под дачи" давали бесплатно всем желающим а, в силу привычки уходящей власти к революционной решительности, не оскудевшей за семьдесят лет, я не сомневаюсь, что кое-где и кое-кому ее пытались всучить даже насильно.

Отпустить Колю одного на первое собрание будущих дачников я, разумеется, не мог. Мой друг мог думать только о том, как обрадуется его Настенька вести о будущей стройке или о том, как по вечерам они вдвоем будут чертить план участка, а, вдоволь налюбовавшись им, в сотый раз перерисовывать его заново. Короче говоря, Коля не просто витал, а выделял фигуры "высшего пилотажа" в весьма облачных мечтаниях и на крайне низкой высоте здравого смысла. Его грезы совсем не пахли цементно-кирпичной пылью, а их тишину не резали как ножом скандалы за межу на огороде или одолженные "на минуточку" и исчезнувшие навсегда грабли. Математическое воображение Коли не брало в расчет ни дождливые выходные и раскисшие дороги, ни отключенное всей дачной "коммуне" электричество за долги одного тихого пропойцы и лентяя.

На собрание мы немного опоздали: по огромному, заросшему бурьяном, полю уже бродили возбужденные группки людей и переругивались между собой. Не смотря на все старания общественной комиссии всучить Коле самый худший, заболоченный участок, мне удалось отстоять его интересы и на этот раз. Кроме того, я позаботился и о будущих соседях моего друга. Я подобрал для этой не маловажной роли людей более-менее интеллигентных и на всякий случай оказал им несколько мелких услуг. Будущие дачники остались довольны, но только до той поры, пока не узнали, что их соседом будет все-таки Коля, а не я. Тут я счел свою миссию выполненной и исчез из жизни Коли ровно на три дня.

Этот опрометчивый шаг стал моей первой и самой страшной ошибкой. Уже теперь я понимаю, что если тихий гений математики вдруг решит построить себе дачу, его другу нужно: во-первых, крепко связать гения; во-вторых, запретить его в квартире; и, в-третьих, строить его дачу самому и может быть даже на свои собственные средства. Но, черт возьми, у моего исчезновения были свои веские причины! Дело в том, что я собирался жениться. Не мог же я, в конце концов, всю свою жизнь любить и лелеять только одного Колю.

Мой друг навестил меня за день до свадьбы. Мы немного выпили, но выглядевший до этого унылым, Коля не повеселел, а стал еще мрачнее. После третьей рюмки настроение Коли стало просто убийственно меланхоличным. Я насторожился. За все время нашей дружбы Коля никогда не жаловался мне. Он всегда ждал, пока я сам не спрошу его обо всем и сам – опять-таки по своей воле! – суну голову в петлю, предназначенную исключительно для него.

Я подумал о предстоящем медовом месяце, красавице невесте и невольно выдержал эффектную паузу. Выражение Колиного лица стало настолько кислым, что, в конце концов, я вздохнул и спросил его, что же произошло на этот раз.

Ответ Коли поверг меня в состояние шока. Оказывается, позавчера он купил кирпич для строительства дачи и отвез его на свой дачный участок. Разумеется, на следующий же день этих драгоценных кусочков обожженной глины на месте уже не было. Нет, вы только представьте себе чистое поле России времен становления демократии, а на нем, видную за сто верст, кучу бесхозного кирпича!..

Я назвал Колю "чертовым кретином". Мой друг кивнул и посмотрел на меня скорбными, коровьими глазами. Коля по-прежнему считал, что я умею все: бить физиономии любовникам-сердцедам, удерживать головой брошенные диваны, ну, а возвращение на место такой безделицы, как шесть тысяч штук кирпича, для меня вообще должно было оказаться сущей безделицей. Нет, в чем-то, конечно, мой друг был прав. Например, однажды я сдал за Колю пустую посуду, от которой он не мог избавиться целый год. Это был очень простой фокус. Правда, после его завершения я отсидел пять суток за то, что надел на голову приемщику стеклянной "пушнины" пустой ящик, в доказательство того, что пустая тара у него все-таки была. Коля, конечно же, не бросил меня в беде. Он каждый день таскал мне передачи, нанял адвоката и, своими соединенными усилиями, им удалось сократить срок моей тюремной отсидки на целые сутки. Эта победа едва не стоила мне второго тюремного срока и вот почему: Коля ликовал!.. При моем появлении на воле он не сдержался и настолько снисходительно похлопал тюремного охранника по плечу, что тот просто-таки обязан был в ответ дать ему увесистого пинка. В результате вспыхнувшей как лесной пожар в жару разборки я чуть было снова не отправился за решетку. Но мне повезло, Коля приперся к тюремным воротам вместе с адвокатом. Адвокат оказался не только красивой, но и довольно умной женщиной. После долгих переговоров, с соблюдением всех юридических формальностей, тюремный страж счел возможным произвести починку слегка потрепанного в потасовке казенного мундира за наш счет. Платил, разумеется, я. У меня, как у человека практичного и пусть только что вышедшего из тюрьмы, было больше шансов найти требуемую сумму за подкладкой своего пиджака, нежели в карманах пришедшего из дома Коли.

Вспоминая теперь тот давний случай, я вдруг понял, что у меня нет никакого желания действовать. Я не хотел поставить под угрозу свое будущее семейное счастье, поровну принадлежащее обоим супругам.

Я встал и отошел к окну. Увидев мою нерешительность, Коля удивился. Подобного раньше никогда не было.

Я молчал... Коля медленно поплелся к двери. Он сильно сутулился и, казалось, постарел. Мне стало стыдно. Я отлично понимал, что предаю своего друга. Как знать, может быть, я и ограничился бы на прощание формальным советом обратиться с заявлением в милицию, но тут вдруг мне в голову пришла одна идея. Я почесал пальцем лоб... Идея была проста, гениальна и немного пьяна. Последнее ее качество рисовало картины возможных будущих событий в настолько ярких красках, что я почувствовал хорошо знакомый зуд в ладонях. Моя вторая натура – склонность к авантюрам и различным приключениям – снова взяла верх.

Я остановил Колю. Он охотно выслушал мой план и уже через пару минут радостно заулыбался. Никто и никогда не может забывать обиду быстрее Коли!..

Моя свадьба прошло довольно спокойно, если не принимать в расчет того, что Колю попытались избить родственники моей жены. Напившись от радости до состояния усталой швабры, повеселевший Коля начал приставать к совершенно незнакомым ему людям. Его переполнял оптимизм. Мой друг спешил поделиться с ближними своим опытом в строительстве дач и воздушных замков. Его плохо слушали, и тогда Коля стал размахивать руками...

Инцидент закончился почти без скандала. Правда, Колю пришлось поднимать с пола, а кое-кто успел наступить ему на спину ботинком с подошвой похожей на танковый трак. После завершения этой хотя и крохотной, но все-таки грустной истории, я, подойдя к зеркалу, вдруг обнаружил, что мой галстук находится не там, где ему положено было быть, то есть на груди, а свисает промеж лопаток. Жена поцеловала меня в щеку, посмеялась и помогла привести себя в порядок.

Настя увела Колю домой, и дальнейшее свадебное шумное застолье, хотя и закончилось далеко за полночь, прошло без намека на скандал. Я невольно подумал о том, а так ли уж велика роль нашей интеллигенции – включая и математическую профессору – в развитии по-настоящему цивилизованного общества, но потом – наивный человек! – выбросил это, в общем-то, здоровое сомнение из головы.

Операцию под кодовым названием "Охота на дурака" я начал сразу же после свадьбы. Здесь мне придется кое-что пояснить. Дело в том, что я немного балуюсь сочинительством, и одна областная газетка более-менее регулярно публиковала мои юмористические рассказы и заметки. За несколько лет нашего сотрудничества у меня сложились довольно неплохие отношения с главным редактором. В одном из ближайших номеров мне удалось поместить свою очередную коротенькую статью. Привожу ее текст дословно:

"Долгое время наша доблестная милиция не могла задержать мелкого воришку П-ва. Неизвестно, сколько еще продолжалась эта охота, если бы не произошел один уникальный случай: гражданин П-ов стащил со ставшего на ремонт блока атомной станции шесть тысяч штук кирпича. Радиоактивное излучение похищенного превышало допустимые нормы в сотни раз. Нисколько не смущаясь, махинатор продал "засвеченный" кирпич вместе с фальшивыми документами следующему лицу. Милиционеры уже потирали от радости руки, но нет!.. Второй покупатель, как человек склонный то ли к тихой меланхолии, то ли к такому же виду умопомешательства, оказался настолько наивным, что вывез приобретенный кирпич в чистое поле, где его благополучно стащили в первую же ночь. В результате создалась довольно пикантная ситуация: кирпич опять украден и мог быть продан еще и еще раз. Но кому?.. Может быть, именно сейчас кто-то строит себе дом, который уже в ближайшее время станет коллективным склепом? Граждане, пожалуйста, будьте внимательнее при покупке кирпича у малознакомых лиц!"

Откуда я взял подобный материал, главный редактор не спросил. Он обвел жирной чертой номер Колиного дачного участка и название деревни, вблизи которой предполагалось развернуть дачное строительство. Адрес шел поскриптумом вместе с предложением добровольно вернуть ворованное. Затем главный редактор ободряюще улыбнулся и пожал мне руку. Я улыбнулся ему в ответ. Все, кто был достаточно хорошо знаком с Федором Ивановичем, знали, что в прошлом году у него украли со строительства дачи все: то есть все, что только могли увести, включая первобытный самодельный нужник.

Заметка вышла на первой полосе. Кончено, я не был уверен в том, что кирпич вернут на место, а не выбросят в ближайший овраг. Кроме того, вор мог найти дозиметр, да и вообще в этой истории могла появиться масса других нюансов, но у вора практически не было времени. Этот тип просто-таки обязан был запаниковать. Я провернул довольно простенькую и, в общем-то, безобидную комбинацию. В былые времена она была бы хорошим лекарством от скуки, но сейчас я не нуждался в нем. Меня ждала дома любимая женщина.

Возвращаясь в тот же день домой после работы, я обратил внимание на то, что на одной из улиц застроенной частными домами, сразу два злых и хрипатых мужика, матюгаясь во всю глотку, ломали: первый – только что построенный сарайчик, а второй – не менее свежую, то есть только что пристроенную треть дома. Увиденное несколько обнадежило меня, и я решил позвонить Коле из ближайшего таксофона.

Дома Коли не оказалось. По словам Насти, прочитав мою статью, он повез на место будущей стройки цемент и доски. Я повесил трубку и выругался. Идиотизм моего друга был не только неизлечим, но еще и неисчерпаем.

Следующие два дня я занимался устройством личного счастья, обучая свою юную двадцатидвухлетнюю жену Раю таким элементарным вещам как: чистка картошки, приготовление яичницы и глажка рубашек мужа. Рая с нескрываемым удивлением поглядывала на то, как ловко мне удавалось справляться с домашними делами и, в конце концов, слегка краснея, попросила меня между делом – ведь я все-таки находил время и для поцелуев! – например, постирать ее джинсы.

Коля прибежал ко мне утром на третий день и еще не отдышавшись, сообщил, что кирпич ему вернули, правда, почему-то не тот, какой своровали. У него был красный и не очень качественный, а ему подбросили белый, полуторный и не шесть тысяч, а почти десять.

Мы сели в машину и отправились на место будущей стройки. Когда мы, наконец, добрались до дачного участка, челюсть Коли безвольно отвисла и находилась в таком положении до тех пор, пока я осторожно не вернул ее на место. Но удивляться было чему: вместо одной кучи кирпича мы увидели на Колином участке уже целых три, а одна из них была подхалимски уложена в аккуратный штабель.

Едва мы успели выйти из машины, как подкатил очередной "КамАЗ" с заляпанными грязью номерами. Сердито фыркая, он вывалил из кузова очередную партию кирпича. Коля возликовал, но мне это сразу не понравилось. Я вдруг интуитивно почувствовал, что ни к чему хорошему такие "подарки" привести не могут. Я попытался остановить "КамАЗ", но водитель погрозил мне монтировкой и уехал.

Домой я вернулся поздно вечером... Рая долго допытывалась, откуда у меня на щеке царапины от целой пятерни. Но сказать молодой и еще наивной женщине всю правду, то есть объяснить, что я отбивался от таинственных машин привозящих на Колин участок дармовой кирпич, я так и не решился.

Ночью я долго не мог уснуть. Ворочаясь с боку на бок, я пытался разобраться в происходящем. Уже под утро, я кое-что понял... В общем, думая испугать своей статьей одного вора я, оказывается, испугал не одного, а многих. Причем среди них наверняка были и относительно честные люди. Эти люди никогда не воровали сами, но приобрести, по случаю, кирпич у мало-знакомых людей они все-таки смогли. Разумеется за полцены и с документами подделанными пьяным первоклассником. Теперь эти люди просто не знали что делать. Казалось бы, вид уже далеко не единственной кучи кирпича на Колином участке должен был заставить задуматься и честных и воров, но, к сожалению, на самом деле все происходило с точностью до наоборот. И тем и другим сразу же приходила в голову мысль, что началась государственная компания (а сколько их было самых разных за все эти годы!) по борьбе с хищением кирпича, а Колин участок – своего рода место анонимного отпущения уголовных грехов. Как говорил в свое время один человек, процесс пошел, но, увы, сразу же стал абсолютно неуправляемым.

На следующий день на работе у меня все валилось из рук. В обед мне позвонил Коля и радостно сообщил, что из образовавшихся на его участке завалов кирпича уже можно соорудить среднюю по величине рыцарскую крепость.

Я чуть было не подавился бутербродом.

– Подожди, – прервал я своего друга. – Тебе все еще подвозят этот чертов кирпич?

– Почему чертов? – удивился Коля. – Это очень даже хороший кирпич. Кстати, бывший в употреблении я уже не принимаю. Я про это даже на указателе написал.

– Каком указателе?!

– Дорожном, – пояснил Коля. – Я его у поворота на главную дорогу повесил. А то водители по всему полю бегают, меня ищут.

До сегодняшнего дня я никогда не думал, что одним бутербродом можно подавиться дважды. На всякий случай я отложил его подальше в сторону.

– Коля, не ездь туда больше! – закричал я в телефонную трубку.

– Почему? – более чем искренне удивился мой друг.

– Потому что я тебя очень прошу об этом.

– Да ты что, сдурел что ли? – вдруг возмутился Коля. – Я тебе позвонил, потому что один уже не справляюсь. Ты-то когда приедешь?

Я ничего не ответил своему разгоряченному легкой наживой другу и повесил трубку. Мне нужно было кое-что обдумать.

Через полчаса я снова снял телефонную трубку. Мой разговор с Раей носил малоинформативный характер. Как молодая, только что вышедшая замуж женщина, она решила, что я позвонил ей только затем, что бы еще раз объясниться в любви. Боюсь, что, предупредив ее о том, что я сегодня не приду к ужину, я совсем не улучшил ее настроения.

Предчувствия не обманули меня. Сразу после обеденного перерыва за мной пришли два хмурых субъекта в явно казенном штатском, а еще через пару часов я сидел перед столом следователя и осторожно отвечал на его, а точнее говоря, ее вопросы. Красивая дама в форме капитана милиции в начале нашего разговора была чрезвычайно вежлива. Ее звали Светлана Петровна Шарковская.

Сначала я, конечно же, попытался выяснить причину своего задержания. Следователь улыбнулась и ответила, что я нахожусь в кабинете начальника отдела борьбы с журналистскими преступлениями.

– Нет-нет, вы не ослышались, – довольно мило улыбаясь, продолжила следователь. – Мы расследуем причины появления тех или иных публикаций в прессе. Часто за ними стоят чьи-то корыстные интересы. Нашему руководству хотелось бы знать, чьи именно.

В ходе допроса быстро выяснилось, что я не профессиональный журналист, а всего лишь любитель. Следователь удовлетворенно кивнула, но не мне, а тем держимордам, которые приволокли меня в ее кабинет. Держиморды сняли пиджаки и подошли поближе.

Допрос продолжался довольно долго. Если мои ответы казались следователю уклончивыми или не ясными, я получал от стоящих сзади здоровяков очередную оплеуху, но не бессистемно, а в зависимости от того, как именно следователь квалифицировала мой ответ. Если я выражал свои мысли уклончиво, меня били справа, когда же я пытался что-то скрыть – слева. Вскоре я понял, что больше всего женщина-следователь не любила уклонистов.

Нельзя сказать, что я безропотно переносил все эти издевательства. Трижды я бросался в контратаку и во время одной из них едва не завладел массивной пепельницей на столе следователя. В конце концов, мое свободолюбие и гражданская гордость произвели на следственные органы должное впечатление. Меня стали называть на "вы" и бить так, что бы не оставлять на теле следов. Что же касается обвинений выдвинутых против меня, то они свелись к трем пунктам: а) распространение заведомо ложных, панических слухов; б) вымогательство у граждан личного и заработанного исключительно честным трудом имущества; в) экономические диверсии против нарождающейся новой демократической власти. Удивительно, но количество оплеух, которые я получил, доказывая свою лояльность российской демократии, значительно превысило количество тех, которые я получил, оправдываясь по двум первым пунктам обвинения. Скорее всего, Светлана Шарковская только вырабатывала свою дальнейшую методику работы с подследственными журналистами. Кстати, это ничем ей не грозило. Журналисты-любители отличаются от профессионалов прежде всего тем, что их можно колошматить без всяких последствий для карьерного роста. А кое-кто из критиков демократии даже утверждает, что подобная смелость даже помогает ему.

В русском языке можно найти много чисто народных синонимов слову голова. Например: чердак, тыква, кочан, купол, черепушка и т.д. Во время допроса я придумал еще один –

колокольчик. Через три часа общения со Светланой Шарковской у меня в ушах стоял такой звон, что о смысле последних вопросов я был вынужден догадываться по движению красивых женских губ. Еще через час отпала необходимость и в этом. Но перед тем как найти на полу чувство безмятежного покоя, я успел узнать, что мой друг Коля "ударился" в коммерцию и устроил на своем дачном участке дикую товарную биржу. Коля продавал дармовой кирпич по демпинговым ценам, но продал совсем немного. Вскоре за ним прибыла машина весьма характерного, хотя и потасканного желтого окраса. Как я понял из слов Светланы Шарковской, Коля уже признался во всем. Даже в том, что мы пока не успели сделать, но наверняка планировали.

Почему-то во всех фильмах о революционерах-героях их, после белогвардейского допроса, тащили в камеру за руки. Революционеры силились поднять могучие головы и посылали проклятия сатрапам. Увы, но мне, как контр реформатору и экономическому саботажнику, следствие сочло возможным сделать исключение. Конвой помог мне добраться до камеры с помощью конечностей расположенных исключительно ниже пояса. Что касается проклятий, то я их не посылаю. Мне было не до кинематографических эффектов.

Спал я очень крепко, примерно так же, как спит в желудке отбивная после долгих мучений на столе хладнокровного и одаренного кулинара. Мне приснился сон: Коля, почему-то одетый в рваную хламиду напоминающую одеяние Иуды, рвался поцеловать меня через тюремную решетку. Мне стало его жаль. По-моему, с талантливого математика можно спрашивать лишь то, что он умеет делать в совершенстве. Мой друг знал лишь сухие цифры и на этот раз глупцом оказался совсем не он. Моя статья затронула интересы слишком многих относительно честных людей. Как я узнал позже, несколько высокопоставленных городских начальников пережили немало неприятных минут, пока наконец-то не выяснилось, что моя статья – всего лишь блеф журналиста-любителя. В общем, те оплеухи, которые я получал на допросе, были только предварительной платой. Основной счет мне собирались предъявить несколько позже.

Глава вторая

в которой рассказывается о том, что даже обладающие сильным характером женщины – слабы, а так же о том, что женские слабости может выдержать не каждый мужчина.

Утром я проснулся от шума в коридоре. Ко мне, используя все свои недюжинные пробивные способности, рвалась та самая женщина-адвокат, которой удалось несколько сократить мой предыдущий пятидневный тюремный срок. Я узнал ее по резкому и властному голосу. Кстати, в прошлый раз адвокат прозрачно намекнула конвоиру в порванном мундире о возможной, но так и не состоявшейся, попытке ее изнасилования лицом, находящимся при выполнении своих служебных обязанностей. Кажется, ее излюбленный прием произвел должный эффект и на этот раз. Дверь в мою камеру женщина открыла ногой.

Первый вопрос разгневанного и запыхавшегося адвоката звучал примерно так: "Били ли вас, а если били, то насколько сильно?"

Я скорбно улыбнулся и уже было собрался пошутить по этому поводу, но, взглянув на лицо адвоката, вдруг онемел от изумления. Во время вчерашней экзекуции меня мучил вопрос: где и когда я мог видеть раньше красивое лицо Светланы Шарковской? Теперь я вспомнил где... Оно было почти точной копией лица моего адвоката.

Когда я инстинктивно попытался прикрыть голову руками, адвокат задрожала от гнева. Она резко повернулась и чуть ли не взащей вытолкала из камеры ласково почесывающего кулак надзирателя.

Целую минуту я и нехотя остывающая от короткой схватки адвокат не без любопытства рассматривали друг друга.

– Дайте, пожалуйста, закурить, – наконец, попросил я.

– Возьмите, – адвокат протянула мне пачку сигарет.

Она тут же и напомнила:

– Вы не ответили на мой вопрос.

Я кивнул и попросил спички.

– Что? – переспросила адвокат.

– Спички, – пояснил я и попытался изобразить с помощью пальцев, как чиркают о коробок спичку. – Мне нужно прикурить.

Коробок спичек ударил меня по лбу и упал на нары.

– Что-нибудь еще? – нервно спросила женщина.

Я прикурил и улыбнулся адвокату... Пауза явно затягивалась. Адвокату пора было уходить, но женщина упрячилась.

– Я знаю, что вас смущает, – твердо сказала она. – Вас смущает мое сходство со следователем Светланой Шарковской. Смею вас уверить, что оно – чисто внешнее.

Я выпустил к потолку струйку дыма. На нервном лице адвоката одна гамма чувств быстро сменяла другую. Я невольно поймал себя на мысли, что мне довольно любопытно наблюдать за этой, почти шекспировской игрой страстей, бушующей в женской душе.

Адвокат поспешила продолжить наш диалог:

– Итак, вас все-таки били, – в глазах женщины сверкнуло бешенство гордой амазонки подло раненной стрелой в ягодицу. – Ну, говорите же, ну?..

Я послал адвоката к черту.

– Сами туда идите! – перешла на крик женщина. Ее слегка затуманенный гневом взор скользнул по камере, и я мысленно поздравил себя с тем, что поблизости нет тяжелых предметов. – Да вы просто трусливое ничтожество.

Я уже собирался ответить в том же духе, но вовремя спохватился. Драка с адвокатом, и тем более женщиной, вряд ли помогла бы мне в теперешнем положении. Кроме того, я интуитивно почувствовал, что адвокат действительно искренне хочет мне помочь.

Я посмотрел в решетчатое окно и безразлично сказал:

– Мне кажется, что кто-то из нас полный идиот...

Разгоряченная красавица по инерции обозвала меня вялой амебой. Я не обратил на ее замечание ни малейшего внимания. Гостья наконец поняла, что речь зашла о серьезных вещах и замолчала.

Я продолжил:

– ... И этот идиот совсем не я, – следующую струйку дыма я выпустил в сторону адвоката. – Скажите, пожалуйста, насколько я понимаю, вы в данный момент беззастенчиво используете свое родственное положение со следователем?

– Это совсем так. Хотя, конечно...

– А в том, что вы с ней близнецы я, надеюсь, не ошибаюсь? – перебил я. – Кстати, как вас зовут?

– Надежда Петровна.

– Шарковская?

Женщина чуть заметно кивнула, поджала губы и отвернулась.

– Все ясно, – я уже не мог сдержать улыбки. – Кстати, кто нанял вас защищать мои интересы? Мой друг, биржевик-неудачник, как я понимаю, в данный момент тоже сидит на нарах.

– Меня попросила ваша жена, – Надежда Петровна чуть покраснела.

Она явно врал.

– И благодаря чьей рекомендации?

– Она посоветовалась с женой вашего друга. Им обоим понравилось, как я вела ваше прошлое дело.

– О, вы были просто великолепно!
– Спасибо, а теперь не могли бы вы...

Я показал на дверь и строго сказал:

– Иди отсюда! И учти, если вздумаешь прийти еще раз, я тебя выгоню.

– Мы уже на «ты»? – делано удивилась адвокат. – Ладно, я не возражаю. А теперь я расскажу вам всю правду. Вчера вечером мне позвонила моя сестра Светка и сама предложила вести твое дело. Только потом я поехала к твоей жене.

Я насторожился. Скорость созревания довольно любопытной интриги могла смело соперничать со скоростью перепуганного страуса.

– А почему сестричка-следователь обратилась именно к тебе?

Надежда молча вытащила из пачки сигарету и прикурила. Я успел заметить, что огонек спички нервно подрагивает.

– Понимаешь... в чем дело... – медленно начала она, пыхнув дымом, – только не волнуйся, хорошо? Дело в том, что совсем недавно я отбила у своей сестрички мужа.

Смех, а тем более грубый мужской хохот, был явно не уместен в такой ситуации. Я искренне не хотел, что бы эта темпераментная и красивая женщина задушила меня в камере своим шарфиком.

– Может быть, этот муж просто перепутал тебя с сестрой? – осторожно спросил я. – Вы очень, почти парадоксально похожи. Впрочем, рассказывай дальше.

– Дальше начинается сугубо женское выяснение отношений, – продолжила Надежда. – Моя сестра поклялась, что отныне будет делать все возможное для того, что бы все мои клиенты отправились за решетку на возможно больший срок...

– У твоей сестрички Светки извращенное понятие об офицерской чести, – не выдержал я.

– ... А я в свою очередь заявила ей, что даже если мой клиент будет обвинен в попытке покушения на мою честь, он сядет в тюрьму на минимальный срок, если сядет вообще!

Со стороны подобная дуэль женских самолюбий могла бы выглядеть довольно занимательно. Но я, пусть и невольно, был участвующей в деле стороной, а Надежда была довольно искренна в своем желании ввязаться в любую, пусть даже самую жестокую схватку хоть сию минуту.

– Интересно, сколько сексуальных маньяков оправдали в суде ты? – спросил я. – И сколько честных людей расстреляла "при попытке к бегству" твоя сестричка?

– Ни одного. Ты первый человек, на котором столкнулись наши интересы.

Я подавился табачным дымом.

– Я просто счастлив, – пробормотал я. – Кстати, неужели меня считают настолько опасным, что бросили в одиночку? Или следствие боится, что мне удастся расстрелять пару-тройку убийц или гомосексуалистов-насилльников?

– Отдел журналистских преступлений только что создан. Ты – первая ласточка в этой клетке, – пошутила адвокат. – Но, откровенно говоря, я тебе не завидую. Светлана – страшный человек. А теперь, давай все-таки перейдем к делу и...

– Подожди, – оборвал я. – А если ты оставишь меня в покое, может быть, тогда и твоя сестра перестанет считать меня достойной добычей?

– Нет, она доведет свое дело до конца, – убеждено ответила адвокат. – Хотя бы из принципа. Кстати, есть еще одно не маловажное обстоятельство, твоя статья получила большой общественный резонанс. Многие возмущены этой провокационной выходкой. Прокурор города хочет сделать процесс над тобой и твоим другом показательным.

– Прокурору что, тоже пришлось ломать свою дачу?

– Нет, но... В общем, он сильно испугался. Дачи пришлось ломать трем его очень близким родственникам. Такое трудно простить. Ты понимаешь это?

Я кивнул. Разбор всех обстоятельств дела занял у нас около двух часов. Я даже заподозрил, что соломенная вдова, в образе капитана милиции, предоставила своей сестре полную свободу действий, потому что была абсолютно уверена в своей победе.

В начале беседы мы плохо понимали друг друга – от рекомендаций Надежды Шарковской слишком сильно несло теоретическим холодом. В конце концов, я не выдержал и сказал:

– Послушайте, Наденька, поскольку я не хочу сидеть в этой камере больше суток, о теории юриспруденции нам придется забыть. И чем быстрее, тем лучше...

Неожиданно для самого себя я прочитал адвокату целую лекцию. Казалось бы, от человека, имеющего дело с тонкостями юриспруденции только во время краткосрочных отсидок, невозможно ждать открытий в юридической казуистике, но, тем не менее, я был выслушан с большим вниманием. Ведь я был зол и говорил довольно убедительно. Суть моего краткого, практического курса сводилась к следующему: никакой юридической казенщины, напор, импровизация, борьба везде и всюду любыми средствами включая кулаки, средневековые интриги, а так же подвернувшиеся под руку подушки и прочие предметы. Адвокат удивленно молчала. Но совсем скоро в ее глазах появился восхищенный блеск.

Затем моя речь перешла в более практическое русло. Я настаивал на том, что бы мой друг Коля покинул КПЗ как можно раньше. В противном случае все мое долготерпение на допросах теряло всякий смысл. Надежда быстро согласилась и пообещала предпринять для этого все необходимое.

Я внимательно посмотрел на сидящую напротив меня красивую женщину и не спросил, что же именно она собирается предпринять. В ней определенно было что-то такое, что позволяло верить в ее блестящее, юридическое будущее, но достигнутое, так сказать не совсем юридически вменяемыми способами.

Мне стало чуть легче. Но на всякий случай я еще и еще раз объяснил Наде, что с выходом Коли на свободу третий пункт моего обвинения – экономические диверсии против демократической власти – становится практически недоказуемым. Что касается двух остальных, то после небольших дебатов мы пришли к следующему решению: во-первых, в своих показаниях я должен сослаться на то, что получил информацию для статьи от неизвестного лица; во-вторых, ни о каком предварительном сговоре с Колей не может быть и речи, так как я не поддерживаю с ним отношения со школьной скамьи; и, в-третьих, если я занимался шантажом, пусть следствие предъявит мне заявления пострадавших.

Сложнее оказалось решить проблему с кирпичом, оставшимся на участке Коли. От такой улики было невозможно избавиться, а уж тем более внятно объяснить суду ее происхождение. Стоило сестре моего адвоката вытянуть из Коли два-три неосторожных слова, (а в том, что это ей удастся сделать, я не сомневался) и все дело можно было бы представить как элементарное жульничество.

Надя задумчиво потерла лобик указательным пальцем.

– А если бы вдруг нам с вами удалось доказать, что тот злополучный дачный участок принадлежит совсем не вашему другу?.. – указательный палец сполз ниже и сделал аккуратный женский носик чуть более курносый. – Тогда мы решили бы и эту проблему. Тебе так не кажется?

Я улыбнулся.

– Ты делаешь успехи, Надя.

– Спасибо, – адвокат охотно улыбнулась в ответ. – Но продолжим тему. Давай представим себе на минуту, что протокол по распределению дачных участков бесследно исчез...

– Бесследно не надо. Если он исчезнет бесследно, то точно также он исчезнет и для нас.

– Хорошо, – Надя кивнула. – Тогда допустим, что протокол не исчез, а – скажем так – мы просто возьмем его под свой контроль право на его бытие или небытие.

– Правильно. Кстати, если я не ошибаюсь, эта драгоценная бумажка все еще находится в Колином институте. Точнее, в отделе кадров. В списках есть все, кто получал участки. Даже те, кто не работает в институте. Но списки в сейфе, а ключа у меня нет.

– Кто начальник отдела кадров?

– Какое-то лысое чудо сорока пяти лет. Любит выпить и поговорить о женщинах. Его зовут Гриша. Фамилии не знаю.

– Не важно, – Надя отмахнулась. – Мне хватит и такого редкого имени. Кроме того, в таком возрасте мужчины довольно снисходительно относятся к женской фамильярности.

– Ты обещала мне позаботиться о Коле, – напомнил я.

– Разумеется. Сегодня же он выйдет на свободу, – заверила Надя. – Если следствие откажется изменить меру пресечения, я сделаю это сама. До свидания.

Перед тем, как выйти из камеры адвокат вытащила из-под легкого плаща узелок размером с два кулака и положила его на стол. Это была передача от моей женушки. В узелке оказалось две, в общем-то, довольно невинные вещи: записка с бесконечным повторением слова "люблю" и, судя по всему, результат первой, торопливой попытки изготовления торта "Наполеон" в полевых условиях.

Я грустно улыбнулся. Не смотря на изрядную долю жеребьячьего оптимизма, которую я только что продемонстрировал адвокату с блестящим именем Надежда, мне было плохо... Очень плохо.

В коридоре постепенно стих визг тюремного вертухая, подвернувшегося под руку темпераментному адвокату. Я невольно подумал о том, что вскоре меня ждет встреча с не менее сумасшедшим следователем. Следователем, которого будили по ночам телефонные звонки сильных мира сего и требовали только одного: что бы подследственный умер под пытками не слишком быстро.

На следующий день меня вызывали на допрос дважды. Оба раза следователь Светлана Шарковская, подозрительно принималась к исходившему от меня запаху шоколадного крема и сурово требовала ответов на свои явно надуманные, а порой и фантастически смелые в предположениях вопросы. Я подарил следствию минимум слов, то есть только то, о чем вчера договорился с сестричкой Светланы. В конце концов, если в стране объявлена свобода слова, то это же право распространяется и на молчание.

Во время второго, послеобеденного допроса следователь нехотя предложила мне невинный компромисс: я сдаю Колю со всеми потрохами и бирочной на шее "главный мафиози города", а взамен получаю полное отпущение своих уголовных грехов.

Мы встретились со следователем глазами. Я немного подумал и снисходительно и даже мягко улыбнулся. Именно улыбнулся, а не усмехнулся. Ведь я был по-прежнему зол и жаждал хорошей драки с обидчиками меня и Коли. Что же касается предложения Светки, то его было трудно назвать даже провокацией. Нет, конечно, при определенных обстоятельствах государство, в лице Светланы Шарковской, могло бы простить мне многое. Оно даже могло простить мне все, но вот в том, что одна женщина никогда не простит другой похищение своего мужа, я не сомневался.

Светлана поморщилась.

– На вашем месте я подумала бы еще, – сухо посоветовала она.

Мне ничего не оставалось, как посоветовать Светлане оказаться на моем месте как можно раньше.

Сзади цинично хохотнули конвоиры. Но по лицу следователя скользнула тень неуверенности. Сердито взглянув на охранников, женщина встала и подошла к окну. Прежде чем продолжить разговор, она о чем-то долго думала.

Я закурил.

– Постарайтесь понять, – наконец заговорила Светлана, – что в вашем теперешнем положении от вас, собственно говоря, ничего не зависит...

Не думаю, что произносятся эти слова, Светлана верила самой себе. Я снова улыбнулся.

– Это вы мне пытаетесь внушить второй день, – перебил я и стряхнул пепел сигареты на протокол допроса. – Но я все равно вам не верю.

Женщина вернулась к столу и села.

Один из стоящих сзади конвоиров кашлянул, снова напоминая следователю о своем существовании. Задумавшаяся было снова Светлана, чуть заметно вздрогнула. Она оторвала взгляд от моей сигареты и подвинула ко мне пепельницу. Я стряхнул пепел на пол.

Мы немного помолчали, а потом я твердо сказал:

– Вы мне надоели, Светлана Петровна.

Следователь, точно так же как ее сестра, потерла лобик указательным пальцем.

– Хотите, я вам расскажу одну забавную историю? – вдруг предложила она.

– Вы хотите меня разжалобить?

– Нет, испугать.

– Ну, что ж, тогда валяйте.

– Вы знаете, по нашему ведомству бродит довольно много любопытных бумаг написанных для ознакомления сотрудников с многочисленными внештатными ситуациями. Так вот, совсем недавно я прочитала в одной из них одну любопытную историю. – Светлане удалось взять себя в руки. Она заговорила спокойно и даже чуть иронично. Если бы за моей спиной не торчали два грубых субъекта, то, глядя на нас со стороны, можно было подумать, что наша беседа это разговор двух интеллигентных людей. – Примерно месяц назад в одном из сибирских городов моим коллегам удалось выйти на след банды матерых уголовников. Все началось с того, что бандиты решили "подоить" одного цеховика, которых сейчас почему-то называют "новыми русскими". Но тот оказался довольно зубастым малым и кликнул на помощь застоявшийся в казарме взвод ОМОНа. Разборка получилось довольно крутой и неудачной для бандитов. Только троим из них удалось уйти на захваченной машине. Но на первом же посту ГИБДД их ждали. Короче говоря, бандиты потеряли все: машину, деньги, оружие и последние остатки душевного хладнокровия. Два дня они уходили от погони по тайге, два дня их травили собаками и пытались подстрелить с вертолета...

Здесь я хотел было вставить реплику об уважении прав человека еще не осужденного судом, но передумал. Во-первых, я сам не любил типов, о которых рассказывала следователь, а, во-вторых, я не думаю, что она видела какую-то разницу между мной и ними.

Между тем следователь продолжала:

– Бандиты стали наглее и злее. В конце концов, этим ребятам удалось добраться до аэропорта. В нашей системе "Перехват" произошел самый элементарный и очередной сбой. Бандитам каким-то чудом удалось купить билеты на ближайший авиарейс. Но спрашивается, что же делать дальше, если уже на трапе в аэропорту прилета их могут ждать прохладные наручники? Ответ напрашивается сам собой – захватить самолет. Задумано – сделано. Бандиты усаживаются на свои места в хвосте салона. Как только самолет набирает высоту, один из них встает и громко заявляет, что у него, – вот в этом рюкзаке, – бомба. И что ему и его друзьям нечего терять кроме перспективы оказаться на берегу теплого моря, где-нибудь в Турции. Все пассажиры оглядываются и смотрят на бандита. Все кроме одного. Этот единственный пассажир сидит впереди, самой двери в кабину пилотов, смотрит в иллюминатор и о чем-то сосредоточенно думает. Между тем в салоне возникает паника. Пока стюардесса мечется между кабиной пилота и тремя небритыми представителями "дикой фирмы" вдруг решившей зафрахтовать самолет, на борту происходят и еще кое-что. Неожиданно один из бандитов замечает девушку, косо посмотревшую на него в аэропорту. Эта девушка, видите ли, не захотела выносить его присутствия. Когда он, усталый и затравленный зверь, присел рядом с ней, девушка презри-

тельно поморщилась, встала и ушла. Теперь наступило время расплаты. Слегка подрагивая нижней челюстью и комкая у себя в груди то, что раньше можно было назвать душой, а теперь просто комком нервов жаждущим крови и наркотиков, бандит подошел к девушке и приказал ей встать. Та отказалась. Тогда он силой поднял свою жертву из кресла и наотмашь ударил ее по лицу. Весь салон оцепенел от ужаса – на высоте пять тысяч метров очень трудно найти кинематографического героя-одиночку. Неизвестно чем бы все это закончилось, но неожиданно из первого ряда кресел встал тот самый единственный пассажир, не обративший внимания на бандитов. Это был довольно крупный мужчина с фигурой чемпиона мира по валке леса без топора. Не глядя по сторонам, он спокойно направился в хвост салона. Бандит был слишком увлечен расправой. Он обратил на "чемпиона" свое высокомерное внимание только после того, как тому удалось подойти на расстояние вытянутой руки. Короче говоря, вопрос: "А тебе, падла, что больше всех надо?" так и не был произнесен до конца. Удар в лицо был таким сильным, что бандит буквально выпорхнул из салона и едва не сорвал с петель дверь туалета. То, что произошло дальше, вряд ли когда-нибудь будет восстановлено с документальной точностью. Бандит с рюкзаком закричал, что взрывает самолет. "Чемпион" не обратил на его слова никакого внимания и принялся обрабатывать своими кулачищами второго угонщика, бросившегося на помощь дружку. Прodelывал он это настолько ловко, что когда последний, третий, бандит оставил свой бесполезный рюкзак и кинулся в драку, ему тоже пришлось встретиться с "чемпионом" один на один. Чем все это закончилось не трудно себе представить: последний угонщик едва не сорвал телом еще одну дверь, правда, выходящую уже прямо на облака.

Наконец, самолет коснулся шасси благословенной земли. Летчики с веселым матом вытерли вспотевшие лбы. Обстановка несколько разрядилась. Милицейское начальство начало скучнейший разбор происшествия: кто что видел, кто кого бил и, о Боже, кто же так сильно отделал трех небритых субъектов валяющихся без сознания в хвосте самолета?.. Счастливые пассажиры взахлеб рассказывают о герое-одиночке. Большой милицейский начальник со шрамом на лице искренне жмет ему руку и говорит, что бандиты все-таки блефовали. Начальник говорит герою, глядя ему в лицо: "У бандитов не было бомбы, понимаете?" Тут начинается самое интересное: наш герой-одиночка едва не падает в обморок от страха. Его бережно поддерживают под руки, усаживают в кресло и милицейский начальник угощает "чемпиона" вальерьянкой из личного пузырька. Но у героя так сильно дрожат руки, что он роняет стакан с лекарством. Удивлены?.. А между тем, в этой истории нет ничего удивительного. Наш герой был глухонемым от рождения. И он понимал слова своего собеседника только по движению его губ. Иначе говоря, наш "чемпион" не имел ни малейшего представления о том, что самолет захвачен террористами и его могут взорвать. Но главное, он с детства и до истерического ужаса боялся высоты. Во время взлета наш герой, как замороженный смотрел в иллюминатор на проваливающуюся в бездну землю, и был едва жив от страха. Именно поэтому, из-за сильной сосредоточенности на своих личных переживаниях, он не заметил паники в салоне. Его даже тошнило, но "чемпион" постеснялся попросить кулечек у стюардессы. Потом, когда наш герой встал и направился в туалет, он вдруг увидел, как какой-то мало симпатичный тип бьет по лицу девушку. Стыд за собственный страх породил в нем не знающую компромиссов агрессивность. "Чемпион" пошел в бой, не думая ни о чем и не видя перед собой ничего кроме трех небритых рож. Хотя, если быть честным до конца, именно он из всех присутствующих в самолете, был менее всего способен на такой подвиг. Наш герой попросту упал в обморок, если бы вдруг узнал, что бандиты угрожают взорвать самолет. Интересная история, правда?..

Я кивнул.

– Довольно занимательная. Только зачем вы мне ее рассказали?

– Зачем? – следователь улыбнулась. – Затем, чтобы объяснить вам ваше теперешнее поведение. Вы лезете в драку, но у вас под ногами бездна. Правда, я немножко недооценила вас.

Честное слово, если бы я знала вас чуть лучше, наше первое, вчерашнее знакомство, не было бы столь драматичным.

– Не подлизывайтесь.

– Я и не думаю. Кстати, вчера утром меня вызвали на ковер и порекомендовали провести с вами жесткую беседу.

– Теперь я рекомендую вам провести точно такую же беседу с вашим начальством.

Следователь игриво рассмеялась.

– Я была бы очень рада это сделать, но, к сожалению не могу. Поэтому я еще раз напомню вам о кирпичных завалах на участке вашего друга. Это очень большая проблема. И многое будет зависеть от того, кто будет ее решать: я одна или мы вместе с вами.

Я лишний раз подивился тому, как умело красавица с милицейскими погонами смогла взять себя в руки. Какой замечательно легкий и подвижный характер!

Я вытащил из пачки вторую сигарету и принялся разминать ее пальцами. Мне было о чем подумать. Но мой ответ следователю был лишен всякой логики.

– Вы мне надоели, – твердо сказал я. – Вы мне надоели так сильно, что если бы я был вашим мужем, я бы попросту ушел к другой женщине.

Красивое и веселое лицо следователя дрогнуло. Мой удар попал точно в цель. Да, его было трудно отнести к тем приемам, с помощью которых джентльмены выясняют отношения с зарвавшимися леди, но, в конце концов, я просто не мог простить следователю вчерашний допрос. Это было бы выше моих сил.

Светлана попыталась возобновить прежний игривый тон разговора, но я еще раз повторил свою предыдущую фразу. Наш дальнейший диалог со Светланой Шарковской быстро превратился в критику личных недостатков друг друга, при чем довольно уничижительную. Но если я веселел с каждой минутой, то лицо следователя, к концу нашей перепалки, приобрело нездоровый, красноватый оттенок. Она даже швырнула в меня пепельницей, но промахнулась и, сунувшаяся было в кабинет чья-то голова с вопросом: "Извините, спросить можно?", исчезла вместе со звоном разбившейся о дверь пепельницы, не задавая дальнейших вопросов.

Я торжествовал. Когда меня под руки выволакивали из кабинета под нервные выкрики следователя: "Я еще завтра поговорю с тобой, подлец!", я уже настолько прекрасно себя чувствовал, что пожелал ей застрелиться уже сегодня.

В мою одиночную камеру меня проводил милиционер самого добродушного вида. Перед тем, как закрыть дверь, он пожелал мне спокойной ночи.

Глава третья

в которой рассказывается о торжестве победителя и о том, что когда государство опускает руки, настоящая женщина продолжает сражаться с фанатизмом камикадзе.

Утром я проснулся почти счастливым. А если бы толстый, солнечный луч, косо падающий на стену, не был поделен на порционные куски тюремной решеткой, как знать, может быть, я был бы счастлив вполне. Мое внимание привлек запах торта. Я подошел к столу и осмотрел его остатки.

Почему-то во всех старых любовных романах, так или иначе касающихся тюремной тематики, заключенные очень любят кормить пернатых. Например, голубей обитающих, по уверениям авторов этих романов, в казенных юдолях печали в достаточных количествах. Представьте себе на минутку следующую картину: бледное существо в полосатой робе со слезами на глазах ласкает вольного голубка, кормит его крошками скудного пайка и после кроткого поцелуя отпускает его на волю. Говорят, после прочтения подобных сцен нервные дамы балзаковского возраста падают на диван и содрогаются от рыданий. "Ах, голубок!.. Ах, невинно осуж-

денный!" Но мне, по совести говоря, не понятно одно, почему эти вольнолюбивые птички так любили тюрьму? Это была их общественная столовая или, воздухом свободы играл с птичками слишком злую шутку? Впрочем, время меняет не только и птиц, и общественные формации государства. Допустим, если сегодня в обычную квартиру залетит голубь, я не сомневаюсь, что это вызовет у коренных ее обитателей или шок, или большие сомнения в психическом здоровье птички. Ведь свобода, как и несвобода, – хотя и довольно сложные понятия, но всем пора бы знать, что они зависят только от человека, а не от стен, решеток и прочего театрално-литературного антуража. Уж слишком просто объявить дефицит первого и переизбыток второго, а значит откуда знать вдруг впорхнувшей в человеческое жилище птичке, кто перед ней: злодей или гений, просто добрый человек или любитель-сыроед?..

Я еще раз осмотрел торт. С ним определенно нужно было что-то делать: или съесть самому или скормить тому "голубю", который погромыхивая гулливерской связкой ключей, прохаживался в коридоре. В конце концов, скорее всего от скуки, я склонился в сторону рыночных отношений. После недолгих переговоров через дверную кормушку времен Лаврентия Берия, мне удалось обменять остатки кондитерского изделия на пару сигарет. Сделка прошла успешно. Но уже через час в конце коридора шумно и энергично заработал сливной бачок. Когда это перестало меня веселить, я подошел к окну и задумался о своем теперешнем положении.

В игре следователя что-то явно не ладилось. Об этом мне поведала истерика, на которую мне довольно легко удалось спровоцировать Светлану Шарковскую. Как известно, женский крик – всегда признак слабости. Но для дальнейших рассуждений мне не хватало фактов и знания событий.

Ближе к вечеру ко мне в камеру пришел вчерашний вежливый милиционер. Он попросил меня собрать свои вещи, проводил к выходу и на прощание пожелал всего доброго.

Едва переступив порог КПЗ, я едва не был растерзан толпой восторженных людей. Первой женщиной повисшей у меня на шее была адвокат Надежда Шарковская. Моя жена Раечка, веселая и счастливая, на радостях согласилась потерпеть эту сцену целых пять секунд, а потом ревниво оттерла адвоката в сторону.

Окинув взглядом собравшуюся толпу, я с удивлением подумал о том, как много у меня прекрасных друзей. Пришел даже "кадровик", женолюб и закоренелый бюрократ Гриша. Он мял в руках кепку и затравленно посматривал на Надежду Шарковскую. Здесь же был главный редактор Федор Иванович. Он размахивал свежим номером своей газеты, проповедуя толпе свободу слова. Коля стоял в стороне и, потупившись, рассматривал свои ботинки. Когда я поздоровался с ним, он радостно улыбнулся и в его больших, грустных глазах появились слезы. Что же касается остальных собравшихся, то подавляющее их большинство составили многочисленные Райны родственники. Моя молодая жена подняла на ноги всех, кого только смогла. Уверен, что ее объяснение произошедшего со мной было, мягко говоря, не объективным. Этот вывод я сделал после того, как заметил, что кое-кто из родственников, включая женщин, пришли к воротам КПЗ, бережно прижимая к груди революционные булжники.

Ближе к вечеру торжество по случаю освобождения невинно осужденного (точнее, не совсем гуманно допрашиваемого подследственного) незаметно переросло в дружескую попойку. Я узнал много нового и интересного. Оказывается, после визита ко мне адвокат Надежда Шарковская развила самую бурную деятельность. Первое, что удалось сделать темпераментному адвокату, – вытащить на свободу Колю. Под ее чутким руководством там же, в камере, мой друг симулировал сердечный припадок. Несколько опоздавший к началу представления врач "скорой" был вынужден забрать Колю в реанимацию. Как я полагаю, дело опять не обошлось без спекулятивного обвинения в попытке изнасилования должностного лица находящегося при выполнении своих адвокатских обязанностей другим должностным лицом, находящимся при выполнении черт знает чего.

Затем Надежда Шарковская посетила редакцию. Результатом визита стала статья, написанная Федором Ивановичем и появившаяся в газете (на первой полосе!) на следующий день. Я не берусь с точностью пересказывать ее содержание, но вкратце суть статьи сводилась к следующему: выдающийся писатель-диссидент (он же философ-моралист и правозащитник) брошен в подвалы местного милицейского гестапо и подвергается там нечеловеческим пыткам. Что ж, с этим было трудно не согласиться... Но вот дальше в статье приводились факты, мягко говоря, взятые с потолка. Не сомневаюсь, что вторую часть статьи сочинила сама Надежда – так излагать мою биографию мог только человек знающий меня исключительно понаслышке и думающий во время ее написания о чем угодно, только не об умственных способностях своего героя. Изображенный в статье весьма активный идиот не защищал разве что пингвинов от мороза в Антарктиде. Лично мне это очень не понравилось. Но что касается родственников Раи, то с тех самых пор они испытывают передо мной чувство едва ли не полубожественного благоговения.

Следующей жертвой Надежды пал вождь институтского отдела кадров Гриша. Трудно себе представить каким моральным оскорблением был подвергнут сей женолюбивый тип, но то, что я увидел перед собой на вечеринке, было, пожалуй, только третью прежнего бесшабашного Гриши. Его душевная травма была настолько огромна, что Гриша мог смотреть (да и видеть тоже!) только на адвоката Надю Шарковскую. Он молча поглощал спиртное и часто мигал желтыми, кошачьими глазами. В ночь перед моим освобождением, Надежда, опасаясь визита милиции, ночевала у Коли дома. Гриша простоял под окнами до утра. Портфель со списками дачников он прижимал к бюрократической, пухлой груди.

Наша домашняя вечеринка удалась на славу. Пили в основном за мое здоровье и, по настоянию Федора Ивановича, за свободу слова. Второй тост часто провозглашал он сам и несколько переусердствовал. Когда его провожали, Федор Николаевич проповедовал свои идеи висевшим в прихожей курткам и плащам, а так же придремавшему возле них моему тестю Ивану Егорычу. Тесть сначала хотел поспорить, а потом передумал и снова уснул.

Как я уже говорил, застолье носило весьма скромный характер и к часу ночи женское большинство сделало все возможное, что бы, наконец, вытащить из-за стола мужчин. На автобусной остановке, в ожидании заспанных такси, Надежда Шарковская раздала последние инструкции гостям согласившимся помогать мне и дальше: Гриша занимал свой пост в институте; так и не удосужившийся познакомиться со мной некий дядя Леша должен был завтра же отключить в доме следователя воду и электричество; а одна из многочисленных тетей моей жены, дама с до отвращения ехидным голосом, через каждый час должна была звонить следователю на работу и интересоваться здоровьем ее мужа. Были и другие инструкции, но они носили более интимный характер и шептались только на ушко. Судя по всему, сестричке адвоката в самое ближайшее время предстояло пережить немало неприятностей. Надежда не только отлично усвоила недавно изложенный мной план юридической защиты, но и творчески развила его с чисто женским умением.

О, Данте Алигьери!.. Путешествуя по преисподней, ты нашел там девять кругов ада, но не пропустил ли ты еще один, самый страшный десятый круг? Тот самый, в который одна женщина может с головой окунуть другую, сражаясь за обладание существом, которое некий шутник, в минуту слабоумия, назвал сильным полом?

Ночью Рая была особенно ласкова со мной. Женщины любят победителей, пусть даже и немного помятых в процессе приключений. Наша взаимная страсть возобновилась и утром, как вдруг в прихожей раздался громкий звонок. Я в сердцах ударил ладонью по подушке и выругался. Рая рассмеялась, погладила меня по голове и назвала "беденьким". Не найдя в темноте трусы я обмотался простыней и направился встречать заранее горячо нелюбимого гостя.

За дверью стояла жена Коли Настя с мокрыми от слез глазами. Еще не успев задать ни единого вопроса, я вдруг услышал страшную новость – Колю снова забрали в милицию.

От неожиданности я уронил простыню. Не обратив на это никакого внимания, и потрясенная личным горем Настя упала мне на грудь. Я немного смутился и не знаю, что подумала о нас соседка, спускающаяся по лестнице с верхнего этажа. Впрочем, она ничего не сказала и только понимающе усмехнулась.

Справившись с замешательством, я поднял простыню и попытался выяснить у несчастной женщины подробности случившегося. Увы, но с таким же успехом я мог расспрашивать местного дворника – Настя то и дело начинала плакать. Кое-как мне все-таки удалось выяснить хронологию событий. Оказывается, по настоянию Надежды Шарковской, Коля провел ночь гараже. Адвокат не без оснований опасалась, что ее сестричка не оставит моего друга в покое. Настя решила, что холодный гараж почти та же Сибирь, и смело направилась следом за мужем в добровольную ссылку. В пять часов утра за Колей пришли. Милиционеры выломали дверь. Коля дрался с отчаянностью кота впервые подвергающегося кастрации, но его стукнули по голове большой, черной палкой и куда-то унесли.

Я возмутился. Нет, это уже было слишком!.. Черт возьми, если государство нацепило погоны женщине, это еще не значит, что она может безнаказанно хватать биржевиков-первоклашек и уж тем более бить их палками по голове.

Уже через пять минут я спешил на автобусную остановку. Перед тем как сесть в такси я обратил внимание на то, что один из мужиков недавно ломавший свой сарайчик, теперь снова возводит его. Впрочем, я слишком спешил и не даже не попытался задуматься над этим странным фактом.

Еще через полчаса я вошел в кабинет следователя. Меня ждали и встретили приветливой улыбкой. О, это была великолепная провокация!.. Будь на моем месте человек с более обостренным чувством справедливости и собственного достоинства, он бы попросту взял следователя за нежное горло и, пока та медленно умирала у него на руках, сказал ей все, что та давно заслуживала узнать. К счастью, я вовремя спохватился и после небольшого раздумья улыбнулся Светлане Шарковской в ответ.

Начало нашего разговора носило малоинформативный характер. Мне просто необходимо было взять себя в руки, и я начал издали. Светлана поддержала беседу довольно охотно. Но как только я перевел разговор от обсуждения погоды к таким абстрактным понятиям как человеческая совесть и гуманизм, следователь загадочно улыбнулась и замолчала.

Наконец я решил перейти к цели своего визита и прямо спросил:

– Между прочим, за что вы арестовали Колю?

– Вы имеете в виду спекулянта и вымогателя Николая Швырева? – деловито осведомилась Светлана. – Должна заметить, что вы проявляете к его делу нездоровый интерес. Недавно вы утверждали, что не поддерживаете с ним никаких отношений.

– Вы правы, – я закурил. – Но дело в том, влюблен в его жену. Вы должны засадить этого хапугу на возможно больший срок. Чем я могу вам помочь?

Следователь щелчком пододвинула мне пепельницу. Щелчок оказался слишком сильным и пепельница свалилась мне на колени.

– Попала, – радостно констатировала женщина.

– Конечно, попали, – легко согласился я. Мне пришлось отряхнуть брюки, после чего я поставил пепельницу на стол и аккуратно положил в нее сгоревшую спичку. – Но вы не ответили на мой вопрос.

В глазах следователя вспыхнул азартный огонек. Она снова протянулась к пепельнице, но я быстро переставил ее подальше. На лице Светланы появилось чисто детское, капризное выражение типа "ну, я так не играю".

– Так что мне делать? – снова спросил я.

Следователь пожала плечами.

– Просто уйдите отсюда и все.

– Не могу. Я писатель-диссидент, правозащитник и философ-моралист.

– Не слишком ли много для человека отсидевшего меньше двух суток? – рассмеялась Светлана.

Я смущенно кашлянул.

– Ну, во-первых, в общей сложности и с учетом предыдущих сроков я отсидел несколько больше, а во-вторых, на досуге, я написал научный трактат.

– Какой, если не секрет?

– "Государство и экзекуция". Не читали?

– Нет, я предпочитаю теории практике.

Света снова посмотрела на пепельницу. Та стояла слишком далеко. Женщина вздохнула и перевела взгляд на меня.

"Ну, что ты сидишь здесь? – довольно ясно сказали мне ее насмешливые глаза. – Неужели ты не понял, что если кошка не может поймать двух мышат сразу, ей остается сосредоточить свое внимание только на одном из них, самом бестолковом? А тобой я займусь позже. И будь уверен, я не оставлю тебя в покое до тех пор, пока моя уставшая от поражений сестричка не убедится в собственном ничтожестве".

– Кстати, ваши мелкие пакости, – уже вслух сказала следователь. – Например, отсутствие в доме воды или звонки полусумасшедших девиц, меня совершенно не трогают. Что же касается... – неожиданно следователь покраснела. – Впрочем, не будем об этом. От философа-моралиста я такого не ожидала.

Я подумал, что же могло заставить покраснеть эту женщину, и вдруг понял, что не смогу ответить на этот вопрос даже через тысячу лет. Для решения такой задачи нужен был исключительно женский ум. Ну, хотя бы такой, как у Надежды Шарковской.

– Жизнь – сложная штука, – на всякий случай сказал я. – Иногда нам, моралистам, стоящим на переднем крае науки о человеческих отношениях, приходится искать решения некоторых проблем за гранью привычного и даже разумного.

– Я так и поняла, – кивнула Света. – А теперь вы можете идти читать лекции жене подследственного. Можете быть спокойны, вам не придется прятаться в шкафу или прыгать в окошко.

– Уверены?

– Ну, конечно же. Кстати, вы начинаете мне надоедать.

– Господи, но кто может сравниться терпением с женщиной?!

– Осел.

Последняя фраза следователя прозвучала довольно сухо. Я посмотрел на свои руки и заметил, что начинают чуть-чуть подрагивать.

– Вы с ума сошли! – я перешел на крик. – Против Коли у вас ничего нет.

– У меня есть маленькая пирамида Хеопса на его участке.

– И все?

– Ну, если не считать требований о скорейшей экзекуции вашего друга со стороны уважаемых граждан, то это действительно все.

– Боюсь, что этого будет мало.

– А почему вы кричите? Я где-то слышала, что если мужчина переходит на крик, это, прежде всего, говорит о его неуверенности в собственных силах.

Я выронил сигарету. Улыбка следователя снова стала снисходительной.

– Отпустите Колю, – глухо и безнадежно потребовал я.

– И не подумаю. Ваш друг находится у меня под рукой и он нужен мне для важной работы. Если у меня возникнут какие-то вопросы, он всегда сможет на них правдиво, а главное, правильно ответить.

– Вы забыли о темпераменте своей сестрички, – напомнил я. – Вполне возможно, что сейчас она формирует партизанские отряды или ведет пропаганду среди солдат Кремлевского гарнизона.

– С сегодняшнего дня Надежда будет проявлять свой темперамент только за стенами моего кабинета.

– Учли свои прошлые ошибки?

– Не столько свои ошибки, сколько ваши успехи в воспитательной работе. И вот еще что... – следователь немного подумала. – Знаете, наша мать рассказывала, что мы с сестрой дрались еще в утробе. Потом, после появления на свет, наши драки стали принимать все более и более принципиальный характер. Но побеждала всегда я. Слышите?.. Только я!

– Врете.

– Зачем мне врать?

– Не знаю, может быть ради собственного удовольствия.

Я всеми силами пытался сохранить внешнее спокойствие. Но мои мысли металась в поисках выхода, словно аквариумные рыбки, к которым с неожиданным визитом заявился речной, голодный ерш. Попытка сыграть на чувстве превосходства следователя была только жалкой соломинкой, за которую я пытался ухватиться. Я искренне не знал, что мне делать дальше.

– Хорошо, – согласилась Светлана. – Вы можете позвонить нашей матери. Она вам все расскажет сама.

"Господи, – взмолился я, еще не веря в удачу. – Только бы она дала ее номер телефона!"
Следователь назвала номер.

– Ну, даже не знаю... – с явно наигранной неуверенностью сказал я. – Впрочем, может быть и в самом деле позвонить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.